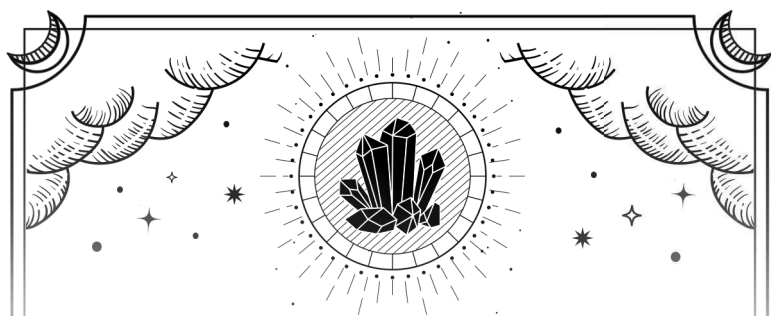

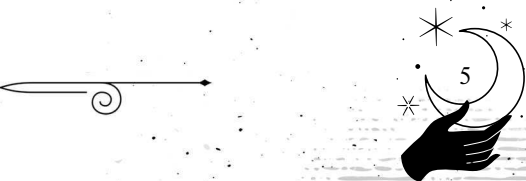

ГЛАВА 1 ЮРТА

Напоследок этот гад успел сказать: «Эль, я так тебя люблю».

А потом он вытолкнул меня за ворота Шоломанчи, и я приземлилась плашмя в раю, на зеленой полянке в Уэльсе, которую видела последний раз четыре года назад. Деревья были покрыты свежей листвой, сквозь которую сочился солнечный свет, и меня ждала мама. *Мама*. В руках она держала цветы. Маки знаменовали отдых, анемоны — преодоление, лунник — забвение бед, выюнок — новое начало. Обычный приветственный букет, который должен был изгнать из моей памяти пережитые ужасы, наполнить душу покоем и исцелить раны, — но, едва мама протянула ко мне руки, я дико взвыла «Орион!», вскочила, и цветы полетели во все стороны.

Несколько месяцев — целую жизнь — назад, когда мы лихорадочно тренировались на полосе

препятствий, одна девчонка из миланского анклава подарила мне латинское заклинание перемещения, очень редкое, которое можно наложить на себя, не рискуя разлететься на кусочки. Предполагалось, что с его помощью я буду прыгать с места на место в выпускном зале и спасти других — таких, как девчонка из Милана, потому-то она и дала мне заклинание, за которое в иных обстоятельствах пришлось бы заплатить пятилетний запас маны. Обычно им не пользуются для перемещения на большие расстояния, но время мало чем отличается от пространства, а в Шоломанче я была десять секунд назад. Я отчетливо, как на чертеже, представляла себе зал вкупе с кошмарной тушей Терпения и ордой голодных злыдней. Я встала у ворот, точно там же, где стояла, когда Орион меня толкнул, и принялась за дело.

Но заклинание не желало накладываться, оно сопротивлялось, словно выставляя на пути предупреждающие знаки — стоп, тупик, дорога размыта. Я настаивала, продолжая вкладывать в него ману, и заклинание наконец дало сдачи, свалив меня с ног. Казалось, я влетела лицом в бетонную стену.

Я встала и повторила — и снова рухнула наземь.

В голове стоял оглушительный звон. Я кое-как поднялась на ноги. Мама помогла мне устоять — она что-то говорила, удерживала меня, пыталась успокоить, но я прорычала: «На него напало Терпение!» — И она бессильно опустила руки: в ее памяти встал оживший кошмар.

После того как я вылетела за ворота, прошло уже две минуты. Две минуты в выпускном зале — это очень много, даже когда он не набит под завязку чудовищами со всего света. Но, сделав передышку, я перестала тупо биться головой о ворота. Я задумалась — и попыталась наложить на Ориона призывающее заклинание.

Большинство магов не способны призвать ничего крупнее резинки для волос. Но призывающие заклинания, которые я отнюдь не по доброй воле коллекционировала в школе, сплошь предназначались для того, чтобы притащить несколько беспомощных, пронзительно вопящих пленников в жертвенную яму (которую я почему-то не удосужилась вырыть). У меня было десятка полтора вариантов, и один из них позволял увидеть нужного человека в любой зеркальной поверхности и потребовать его к себе. Очень эффективно, если есть огромное зачатое зеркало рока. К сожалению, свое я оставила на стене школьного дортуара. Но я обежала полянку и нашла меж двух корней маленькую лужицу. В норме этого не хватило бы, но во мне бесконечной рекой текла мана — ее поток еще не прервался. Я вложила в заклинание силу, сделала грязную лужицу гладкой как стекло и, пристально глядя на нее, позвала:

— Орион! Орион Лейк! Я призываю тебя... — Я подняла голову, впервые за четыре тоскливых года увидев солнце и небо. Но посетила меня одна лишь досада: рассвет, полдень или полночь были

бы гораздо полезней. — Призываю тебя в час прибавления света: приди ко мне из темных залов, повинувшись моему слову.

Скорее всего, придя, он будет под действием чар повиновения, но эту проблему я решу позже, после того как он окажется здесь...

На сей раз заклинание сработало: вода превратилась в серебристо-черное облако, в котором медленно и неохотно возник размытый силуэт — возможно, вид Ориона со спины, всего лишь смутные очертания на фоне непроглядного мрака. Я сунула руку в темноту, потянулась к нему, и на мгновение мне показалось — я была уверена! — что ухватила его. Я ощутила невероятное облегчение: ура, все получилось, сейчас я вытащу Ориона... и тут я заорала от ужаса, потому что мои пальцы погрузились в плоть чреворота, и он заметил меня.

Тело приказывало мне немедленно убираться. Более того — как будто дело обстояло еще недостаточно скверно: чреворотов оказалось *два*, и они оба цеплялись за меня. Очевидно, Терпение не до конца переварило Стойкость. Сто лет чужого сытного питания — это очень много, и Стойкость в процессе тыкалась в разные стороны, пытаясь утолить собственный голод, пока ее саму пожирали.

В выпускном зале мне было абсолютно ясно, что я, скорее всего, не справлюсь с этим объединенным ужасом, пусть даже меня питала мана четырех тысяч человек. С Терпением мы могли сде-

лать то же, что и с Шоломанчи, — столкнуть обоих в пустоту и надеяться, что они сгинут навсегда. Но видимо, Орион был со мной не согласен, раз кинулся драться, пока вся школа висела на волоске у него за спиной. Как будто он боялся, что Терпение вырвется, и в его тупую голову закралась мысль, что он может его удержать, если останется и еще разок изобразит героя. Мальчик против цунами. Никакой другой разумной причины я не могла себе представить, и даже без выталкивания меня за ворота это было глупо, поскольку из нас двоих только я раньше сражалась с чреворотом. Орион поступил по-идиотски, и я страстно желала, чтобы он спасся, чтобы он был здесь — я бы охотно на него наорала, подробно объяснив, какой же он кретин.

Ярость придавала мне сил. Ярость позволяла держаться, несмотря на зловонную тяжесть чреворота, обволакивающую мои пальцы и пытающуюся пробиться сквозь защиту, как ребенок пытается разгрызть карамель, чтобы добраться до сладкой начинки. Чреворот хотел добраться до меня, всосать целиком, пожрать, превратив в глядящие с отчаянием глаза и вопящий рот.

Ярость — и ужас, потому что он собирался поступить так с Орионом, который остался наедине с чудовищем в зале. Поэтому я не отступала. Глядя в лужу, я швырнула убийственное заклинание поверх его полуразмытого, едва видимого плеча — свое лучшее, самое быстрое смертоносное закли-

нание. Я произносила его снова и снова и чувствовала, как вокруг моих рук плещется гниль, и вскоре мне с каждым вздохом приходилось подавлять тошноту, и каждый раз «А la mort!», скатываясь у меня с языка, звучало все менее внятно, пока само мое дыхание не стало веять смертью. Я не разжимала рук, я по-прежнему пыталась вытащить Ориона. Даже если это значило, что я выволоку Терпение в мир вместе с ним и ненасытное чудовище окажется на зеленой валлийской лужайке, у маминых ног, в мирном краю, о котором я не переставала вспоминать в Шоломанче. В конце концов, потом просто останется добить тварь.

Пять минут назад это представлялось совершенно невозможным — настолько, что я сама бы над собой посмеялась, — а теперь чреворот казался лишь мелким пустяковым препятствием: ведь уступить монстру значило отдать ему Ориона. Я хорошо умела убивать. Я уж что-нибудь придумаю. В голове у меня уже начал разворачиваться план — стратегические шестеренки мерно двигались где-то на заднем плане, как в Шоломанче, где они четыре года не останавливались ни на секунду. Мы с Орионом вместе сразимся с Терпением. Я буду его убивать, а Орион — извлекать ману и передавать мне; мы замкнем бесконечный круг и не прервемся, пока тварь наконец не сдохнет. У нас получится, все получится. Я уверилась в этом. Я не отпускала.

Я не отпускала. Но меня отбросило. Опять.

Это сделал Орион. Без вариантов. Потому что чревороты не выпускают свою добычу. Мана, которую я вкладывала в заклинание призыва, лилась из общего запаса, который по-прежнему был открыт, словно вся школа продолжала вкладывать ману в наш совместный ритуал. Но этого не могло быть. Все ведь ушли. Ученики покинули Шоломанчу и теперь обнимали родителей и рассказывали им о том, что мы сделали. Окруженные друзьями, они плакали и залечивали раны. Они больше не снабжали меня маной, да и не должны были. Наш план заключался в том, чтобы обрубить все связи со школой — мы хотели до отказа набить ее злыднями, отсечь от мира и отправить в пустоту, как зловонный воздушный шар, полный чудовищ. Она должна была исчезнуть во мгле, которой принадлежала. Процесс пошел, когда мы с Орионом бросились к воротам.

Насколько я понимала, единственной связью школы с реальным миром оставалась я сама — я, цепляющаяся за ману, которая лилась из школы. А единственным оставшимся в Шоломанче существом, способным снабжать меня маной, был Орион, способный извлекать энергию из убитых злыдней. Значит, он еще был жив и сражался. Терпение его пока не поглотило. И он наверняка чувствовал, как я пытаюсь его вытащить, но вместо того чтобы помочь мне, он отстранялся, сопротивляясь призыву. И ужасный липкий рот, присосавшийся к моей руке, тоже отодвинулся. Орион, видимо,

пытался сделать то же самое, что сделал много лет назад мой папа: он схватил чреворота и потащил прочь, жертвуя собой, чтобы спасти девушку, которую любил.

Но девушка, которую любил Орион, была не кроткой нежной целительницей, а колдуньей, способной к массовому истреблению. Ей уже удалось разнести в клочья двух чреворотов. Этот тупой кретин должен был довериться мне. Но нет. Вместо этого он боролся со мной, а когда я попыталась использовать заклинание призыва, чтобы вернуть его силой, бесконечное море маны внезапно иссякло, словно он выдернул из ванны за-тычку.

Мгновенно разделитель маны у меня на запястье стал холодным, тяжелым и безжизненным. Тут же у моего недешевого заклинания закончилось топливо, и Орион выскользнул из моей хватки, как если бы я пыталась удержать пригоршню масла. Его силуэт растворился в темноте. Я отчаянно продолжала цепляться за него, хотя он таял прямо на глазах, но мама, которая все это время стояла рядом со мной на коленях с искаженным от страха и тревоги лицом, схватила меня за плечи и потащила прочь от лужи. Вероятно, если бы не она, я бы лишилась кисти, когда заклинание оборвалось и мой бездонный источник превратился в сантиметровую лужицу меж древесных корней.

Я повалилась наземь, но тут же, не успев даже задуматься, поднялась на колени — я недаром тре-

нировалась к выпуску. Я бросилась обратно к луже и заскребла пальцами землю. Мама обнимала меня, отчаянно умоляя остановиться. Впрочем, я остановилась не поэтому. Я остановилась потому, что больше ничего сделать было нельзя. Маны не осталось ни грамма. Мама снова схватила меня за плечи, и я обернулась и впцепилась в кристалл у нее на шее, твердя: «Пожалуйста, дай, пожалуйста». Мамино лицо было воплощенное отчаяние; я чувствовала, что ей хочется убежать, но она удержалась, закрыла глаза, дрожащими руками расстегнула цепочку и отдала мне наполовину полный кристалл. Этого бы не хватило, чтобы поднять мертвеца или сжечь город до основания, но я бросила Ориону заклинание-сообщение с отчаянным воплем, то есть с призывом отозваться, протянуть руку, не отказываться от помощи.

Только оно не прошло.

Когда маны не осталось даже на то, чтобы кричать, я собрала последние крохи на поиск бьющегося сердца, пытаюсь понять, жив ли он еще. Это очень дешевое заклинание, потому что нелепо сложное — процесс накладывания занимает десять минут и сам вырабатывает почти всю необходимую ману. Я наложила его семь раз подряд, не вставая с испачканных грязью колен, и некоторое время стояла так, слушая, как ветер дует в кронах, поют птицы, переговариваются овцы и где-то вдалеке журчит ручеек. Ни единого биения сердца до меня не донеслось.

Когда мана закончилась совсем, я позволила маме отвести меня в юрту и уложить в постель, как в детстве.

Первое пробуждение было так похоже на сон, что мне стало больно. Я лежала в юрте, в открытую дверь веяло ночной прохладой, и снаружи доносилось тихое мамино пение. Все было так, как в самых мучительных школьных снах, в которых я отчаянно пыталась задержаться еще немножко и неизменно просыпалась в испуге. Ужаснее всего было то, что на сей раз мне не хотелось длить видение. Я повернулась на другой бок и снова заснула.

А когда я больше уже не смогла спать, то просто лежала на спине и долго смотрела на изгиб потолка. Будь у меня еще какое-нибудь занятие, я бы не проспала так долго. Даже злиться не хватало сил. Злиться имело смысл только на Ориона — и именно это было невозможно. Я честно пыталась — лежала и припоминала все грубые и резкие слова, которые сказала бы ему, будь он рядом. Но когда я мысленно спросила Ориона «О чем ты вообще думал?», то не сумела произнести это гневно, даже про себя. Было просто больно.

Но я и оплакивать его не могла, потому что он *не умер*. Он вопил, пока чреворот пожирал его, как папу. Люди предпочитают думать, что жертвы чреворота умирают, но это просто потому, что все другие варианты чудовищны. Сделать тут ничего

нельзя, поэтому, если твоего любимого человека сожрали, он для тебя умирает, и можно притвориться, что все кончено. Но я-то знаю, знаю на собственной шкуре, что человек не умирает, когда его съедает червоточ. Жертву продолжают пожирать вечно — столько, сколько живет тварь. Но это знание ни к чему не вело. Я ничего не могла поделать. Потому что Шоломанча сгинула.

Я не двигалась, когда в юрту вошла мама. Она положила в миску что-то мелкое, тихонько сказала: «На, держи», и Моя Прелесть, тихо пискнув, что означало благодарность, принялась уплетать зернышки. Мне даже не было стыдно, что я не подумала о ней, маленькой и голодной. Я погрузилась в бездну, от которой все бытовые заботы отстояли слишком далеко. Мама подошла, села рядом с моей походной кроватью и положила ласковую теплую руку мне на лоб. Молча.

Некоторое время я сопротивлялась — не хотела, чтоб мне становилось лучше. Я не хотела вставать и выходить в мир (если в принципе признать, что мир имел право существовать дальше). Но лежать здесь и ощущать на лбу мамину руку, дарящую утешение и покой, было просто глупо. Мир жил дальше вне зависимости от моего разрешения. Поэтому я наконец села и выпила воды из кособокой глиняной чашки, которую мама сама слепила. Она села на край кровати, обняла меня и погладила по голове. Мама казалась такой маленькой. Вся юрта тоже. Я даже сидя доставала макушкой до свеса

